

Литературная история Орловщины периода Великой Отечественной войны ещё ждёт своего вдумчивого и внимательного исследователя. Но без всяких оговорок можно утверждать, что она неразрывно связана с именами многих известных прозаиков, публицистов и поэтов. Строки об Орловщине звучат в стихах Бориса Пастернака и Евгения Долматовского, Арсения Тарковского и Александра Твардовского, Елены Благиной и Семёна Кирсанова, в прозе Андрея Платонова и Бориса Полевого, Василия Гроссмана и Константина Федина, в публицистике Ильи Эренбурга и Александра Серафимовича. Этот перечень можно продолжать и продолжать. И здесь хотелось бы напомнить о некоторых страницах литературной летописи Великой Отечественной войны, о тех страницах, которые имеют непосредственное отношение к Орловскому краю.

Будущий знаменитый поэт-песенник Алексей Фатьянов в предвоенные годы и в первые военные месяцы служил в Орле красноармейцем – режиссёром-постановщиком ансамбля Орловского военного округа. На девяносто процентов программы состояли из его произведений, он читал со сцены стихи, пел, вёл концерты.

Его стихотворные произведения постоянно публиковались на страницах областных газет «Орловская правда», «Комсомолец». Многие стихи Фатьянова – бесхитрый рассказ об армейских буднях, но в этих строках уже проступали мотивы будущих всенародно любимых песен: «На солнечной поляночке», «Давно мы дома не были», «Потому, что мы пилоты», «В городском саду играет...», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Когда весна придёт, не знаю...», «Ты сама догадайся по голосу...» (о творчестве Фатьянова можно написать отдельную книгу, в этом обзоре ограничимся лишь кратким упоминанием, см. также в предыдущем выпуске альманаха публикацию об орловском периоде в его судьбе).

Известный советский поэт Сергей Наровчатов рассказывал: «Я помню страшные дороги отступления – мы прошли их с Михаилом Луконым, выходя из окружения брянскими лесами и орловскими нивами в 1941 году». У Луконина есть стихотворение «В Ельце» (1941) – о том, как шли бои за город. У Наровчатова – «В те годы», «Отступление» («Из Трубчевска беженцы бежали большаком, просёлками, стернёю...»), «Осень», «В кольце», «Облака кричат», «Письмо о письме»

(«И снова над Ливнами рушатся ливни, звонкие, майские, рвутся в строку...»).

С восточных рубежей Орловской области фронтовой журналист Наровчатов писал Ольге Берггольц в осаждённый Ленинград:

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сел, казнённых городов,
Сквозь черный плен земли своей родимой,
Завещанной от дедов и отцов...*

*В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал,*

*Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
Россия, мати! Свете мой безмерный!
Которой мстью мстит мне за тебя?!?*

А когда в августе 1942 года Михаила Луконина представили к медали «За боевые заслуги», в наградном листе были названы не только его ратные подвиги (участие в боях Великой Отечественной и советско-финской войн, ранение, взятие «языка», спасение раненого политука), но литературные. Прочитируем часть этого уникального документа: «Его поэма «Подвиг» описывает доблесть шести разведчиков во главе с Хлопенко (148-я дивизия), занявших село Приволье. Эту поэму знают бойцы и командиры дивизии. Поэма «Леонид Маркиш» посвящена бессмертному подвигу храброго сержанта, погибшего в боях за Елец. Стихи «Встреча», «Красная Армия», «Правосудие», «Сыну» накаляют ненавистью красноармейцев к фашистским варварам... Литературная деятельность тов. Луконина, его личная отвага характеризуют его как писателя-бойца».

Луконин вспоминал: «Осень 1942 года. Госпиталь в Ельце помещался в подвале старинного дома с толстенными каменными стенами. Мы лежали в комнате со сводами, и наверху, под самым потолком, мерцало окно, затуманенное осенней непогодой. Что-то монастырское было в нашей палате, сумеречное и тягостное; мы все – двадцать разных людей – томились и нерв-

ничали. Я один из всех мог вставать и передвигаться, держась за кровати, и как-то мне даже удалось подняться к окну.

– Что там делается? – оживились лежащие друзья.

И я стал для них описывать улицу, прохожих, проезжих. Чтобы было интересней, я стал придумывать, говорить о том, чего не видел на улице... Мне почему-то очень помнится эта моя роль, она чем-то сходна с поэзией. Тут у меня и начало закипать стихотворение «Мои друзья», хотя написал я его значительно позже».

Орловщине посвятил своё военное творчество Валентин Шульчев. Поэтом-партизаном мы по давней традиции именуем Дениса Давыдова. Но ведь были в российской истории и другие люди, которые достойны этого высокого воинско-литературного звания. Один из них – Валентин Иванович Шульчев. Он родился в 1914 году на Тамбовщине в семье сельского учителя, сам работал учителем. С детских лет писал стихи, «печатал» их в стенгазетах и рукописных сборниках. Его имя мы часто встречаем на страницах периодики конца 1930-х годов – в журналах «Красная новь», «Молодая гвардия»...

В ноябре 1939 года его призвали в Красную армию. Войну встретил на границе, но и в грозные дни 1941 года не забывал о стихах. Его фронтовые вирши, сатирические произведения печатались в дивизионной и армейской газетах. Летом 1942 года в боях под Харьковом Валентин Шульчев был ранен и попал в плен. Несколько раз бежал, был приговорён к расстрелу, снова бежал из концлагеря, стал бойцом Дмитровской партизанской бригады.

Вот как о нём вспоминал сослуживец по отряду И.С. Макаров: «Партизаны были в восхищении от него. Его стихи распространялись по партизанским сёлам Орловщины и Курщины, ребятишки на улицах громко их декламировали. В боевом листке появились его частушки и пословицы. Мы заучивали их. Поймав полиция, ребята часто «сопровождали» его стихами:

*Полицай и староста,
Под конвой, пожалуйста!
Будет тебе туго,
Немецкая прислуга!».*

Часто в минуту отдыха звучали в партизанском кругу задорные частушки Шульчева:

*Партизанская работа –
Немцам горе да забота:
Что ни день, то под откос
Свален новый паровоз.*

*Псы фашистские бегут,
Вшивые, голодные.
По фашистам с тыла бьют
Мстители народные.*

В 1942 году во время боёв под Дмитровском Валентин Шульчев написал «Песню орловских партизан». Крылатые строки печатались в партизанских газетах, ходили с народными мстителями в разведку и на подрыв эшелонов врага. Поэт всегда носил в сумке с боеприпасами толстую тетрадь в синей коленкоровой обложке. Она была вся заполнена стихами. Его мечтой было написать поэму «Орловщина» – над ней он работал в последние месяцы своей жизни.

Шульчев погиб 21 февраля 1943 года у посёлка Ивановское, похоронили его с воинскими почестями в Дмитровске. Тетрадь стихов какое-то время хранил комиссар отряда. Он читал их в кругу бойцов, кто-то переписывал строки своего товарища в заветные тетрадки. Обстоятельства военного времени были таковы, что многие стихи Шульчева не сохранилось – это судьба и отдельных стихотворений, и всех набросков поэмы «Орловщина». Не только люди, но и искренние строки погибали на войне, как безымянные герои...

Поэт Иосиф Уткин служил в редакции газеты Брянского фронта «На разгром врага». Время как будто требовало пафоса, плакатности – вспомнить статьи тех лет в «Правде», «Красной звезде», очерки Ильи Эренбурга, Всеволода Вишневского... Душа поэта просила иного. Да, у людей, прошедших сквозь войну и ужасы репрессий, вырабатывалось стойкое, органическое неприятие пафоса и, как следствие, на смену ему укоренялась привычка смотреть на всё происходящее с изрядной долей иронии. Кто-то шёл дальше – от недавней романтики до

стойкого отрицания, до глумления... Но не этим путём мог идти Иосиф Уткин.

Если вдуматься, его первые военные стихи были плакатны, например, «Советской женщине» (1941):

*Делили радости и беды,
Теперь опять делиться нам,
Опять нелёгкий труд победы,
Как хлеб, мы делим пополам.*

То же и «Песня о родине и матери» (1941), пафосны «Народный фонд», «Слава русскому штыку». Но плакатные строки не поются. И вот появляется очень лиричное стихотворение «Петлицы»:

*Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою пришить?*

Столь же напевны «Если я не вернусь, дорогая...» (в духе русской песни и классической поэзии, 1942), песни «Солдатская» и «Казачья» (1942), старая солдатская песня «В дороге» (1942). В стихах Уткина того времени – переключки с Лермонтовым, Некрасовым, Пушкиным, с современником Заболоцким. Истинный шедевр – написанное в 1943 году стихотворение «Русской женщине»:

*Русской женщины тихая прелесть,
И откуда ты силы берешь?
Так с тобой до конца и не спелись
Чужеземная мода и ложь...*

*Как же так: и тюремную участь,
И войну, и нужду, может быть,
Глаз твоих голубая живучесть,
Не померкнув, могла победить?*

*Не такой ли ты просто породы?
Не таких ли ты просто кровей?
Уж не в недрах ли русских – природа
Неподкрашенной силы твоей?*

*И одна ли роса оросила
И тебя и родные края?
И, как самое имя «Россия»,
Не извечна ли прелесть твоя?*

А вот отрывок из едва ли не последнего стихотворения поэта – «Послушай меня» (1944 год):

*...Здесь громкие речи, товарищ, не в моде,
Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди заводят –
Бывает, у смерти самой на виду!
И если тебя у костра попросили
Прочсть, как здесь принято, что-то своё –
Прочти им без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам её,
Как любят их дети, как помнят их жёны...*

Почти забытые ныне массовым читателем, процитированные и многие другие стихи – частица сокровенной литературной истории Орловщины, частица народной памяти о грозных событиях первой половины века XX, о сражениях и славных победах, о силе духа и мужестве защитников Родины.

Военная тема неисчерпаема, как неисчерпаема фронтовая проза – уникальное явление в русской и советской литературе. Задумаемся, какие замечательные писатели оставили потомкам свои рассказы о событиях фронтовой поры, о подвигах героев на земле Орловской: Алексей Толстой, Леонид Леонов, Константин Симонов, Борис Полевой, Василий Гроссман, Андрей Платонов, Илья Эренбург, Константин Федин...

Хочется напомнить современному читателю их талантливые строки, хотя бы немного сказать о самих авторах. Без всякого сомнения, хорошо известен орловскому читателю очерк Василия Гроссмана «Возвращение», где особое место занимает воспоминание – картина Орла накануне оккупации фашистами в октябре 1941-го: «Город стоял тогда во всей своей красоте, без единого выбитого стекла, без единого разрушенного здания. Но являл он собой вид обречённости и смерти. Эта обреченность была во всём. Город плакал весь, словно навеки расставался человек с самым дорогим и близким, что было

у него в жизни. И чем нарядней выглядел он тогда, чем ярче блестело осеннее солнце в это последнее советское утро в бесчисленных стёклах домов, тем безысходней была тоска в глазах людей, понявших и знавших, что вечером в Орле будут немцы. И, вспомнив то горе, ту тревогу, то страшное смятение, которым был охвачен город, я как-то по-особенному глубоко понял святое счастье сегодняшней встречи разорённого и опоганенного немцами Орла с великой страной, с великой армией, которая гонит и уничтожает орды захватчиков». Завершая победный очерк, Гроссман снова вернулся к горьким дням падения Орла: «Эта сегодняшняя встреча и то горькое расставание в октябрьское утро 1941 года – едины, связаны между собой. Это проявление великой верной любви народа. Она сильнее всего на свете. Сильнее смерти».

По просьбе Гроссмана специальным корреспондентом главной военной газеты «Красная звезда» был зачислен Андрей Платонов – в этом качестве он не раз бывал в частях Брянского фронта, на многострадальной Орловщине. Недавний изгой, лишённый возможности обращаться к читателю, вдруг заговорил с газетной полосой. Конечно, он не мог тогда передать свои чувства и мысли в полной мере. Но архивы сохранили даже то, о чём знали немногие, – в феврале 1943 года осведомитель НКВД пересказывал слова Платонова: «Советская власть отняла у меня сына – советская власть упорно хотела многие годы отнять у меня и звание писателя. Но моего творчества никто у меня не отнимет... Я со своих позиций не сойду никуда и никогда. Все думают, что я против коммунистов. Нет, я против тех, кто губит нашу страну. Кто хочет затоптать наше русское, дорогое моему сердцу. А сердце моё болит. Ах, как болит!.. Вот сейчас я на фронте много вижу, наблюдаю (Брянский фронт). Моё сердце разрывается от горя, крови и человеческих страданий. Я много напишу. Война меня многому научила».

Возглавлявший бригаду «Красной звезды» на Курской дуге Павел Трояновский, вспоминая «высокого, худощавого, чуть сутуловатого капитана», рассказывал: «Писатель с вещевым мешком за плечами любил вышагивать многие километры пешком, ездить только на попут-

ных машинах. Пристанет к маршевой роте или к команде выздоравливающих после ранения – и днями, неделями живёт среди солдат и сержантов... Подолгу бывал он на передовой, устраиваясь в блиндажах с командирами рот или батальонов. Изучал фронтовой быт, солдатский язык, окопные песни, частушки, шутки. Ну, а когда вынуждала обстановка – вскидывал автомат и палил по врагу».

Платонов стороной обходил армейские и дивизионные штабы, а свой путь держал в батальоны и роты, в окопы, встречаясь с героями будущих очерков. Виктор Полторацкий, знавший Платонова по Курской дуге, вспоминал: «В его внешности было что-то от мастерового, рабочего человека, в силу необходимости ставшего солдатом, чтобы защитить свою родину... Говорил глуховатым, низким голосом, спокойно и ровно. Но порою бывал и резок, колюч, всегда абсолютно нетерпим к фальши и хвастовству».

Редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг дополнял: «Скромная и внешне неприметная фигура Платонова, наверно, не соответствовала читательскому представлению об облике писателя. Солдаты при нём не чувствовали себя стеснёнными и свободно говорили на свои солдатские темы. А Платонов тихонько стоял в сторонке или сидел и слушал... Был Платонов человеком непритязательным и легко мирился со всеми неудобствами и невзгодами фронтовой жизни».

Павел Трояновский вспоминал: «Я говорю Андрею Платоновичу: “Садитесь в “эмку”. Едем!” А он: “Нет!” И объясняет: “Вы оперативные корреспонденты, вам надо спешить, вы и поезжайте. А мне полезнее походить пешком с солдатами, быть с ними. Что увидишь и услышишь в вашей “эмке”?” И Платонов, вскинув вещевой мешок за плечи, ушёл по пыльной дороге с бойцами, занимавшими новые позиции».

После таких фронтовых дорог и встреч рождались пронзительные строки об «одушевлённой родине». В первой редакции рассказа «Афродита» (1943) Платонов писал: «Тайна родины была ясна ему; она открывается в локоне волос с головы дочери-ребенка, что хранит красноармеец у себя в вещевом мешке и носит за плечами

тысячи вёрст, она в дружбе к товарищу, которого нельзя оставить в битве одного, она в печали по жене; вся тайна родины заключается в верности, оживляющей душу человека, в сердце солдата, проросшем своими корнями в глубину могил отцов и повторившемся в дыхании ребёнка, в родственной связанности его на смерть с плотью и осмысленной судьбою своего народа».

28 октября 1943 года в «Красной звезде» был напечатан рассказ Платонова «Мать» (не прошедшее цензуру первоначальное название – «Взыскание погибших»). Участнику освобождения Орловщины, ему хватило мужества, чтобы написать великий плач русской матери по разорённой родине, погибшим и замученным детям. Спустя десятилетия этот текст не может никого оставить равнодушным: «Она села посреди остывшего пожарища и стала перебирать руками прах своего жилища. Она знала свою долю, что ей пора умирать, но душа её не смирялась с этой долей, потому что если она умрёт, то где сохранится память о её детях и кто их сбережёт в своей любви, когда её сердце тоже перестанет дышать? ...Мария Васильевна отняла лицо от земли; ей послышалось, что её позвала дочь Наташа; она позвала её, не промолвив слова, будто произнесла что-то одним своим слабым вздохом. Мать огляделась вокруг, желая увидеть, откуда зовет к ней дочь, откуда прозвучал её кроткий голос – из тихого поля, из земляной глубины или с высоты неба, с той ясной звезды. Где она сейчас, её погибшая дочь?»

В духовном видении умирающей женщины возникает образ ещё не освобождённого Киева – матери всех русских городов: «Он стоял на высоком берегу вечно стремящегося, поющего Днепра, – онемевший, с ослепшими глазами, изнемогший в гробовом склепе врага, но чающий, как вся поникшая перед ним земля, воскрешения и жизни в победе, и поднявший свои башни в высоту звёзд, как завет бессмертия народа, в смерти врага ищущего своей силы и исцеления... Нужно не только истребить намертво врага жизни людей, нужно ещё суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мёртвые».

Там же, в «Красной звезде», на протяжении всех военных лет постоянно печатались статьи

и очерки Ильи Эренбурга. Осенью 1941 года он, сугубо штатский человек, впервые приехал на Брянский фронт – в обычном пальто, без всякой бравоности военного журналиста. И с тех пор всегда очень внимательно следил за ходом военных действий под Орлом, так или иначе откликаясь на происходящее. Более того, в его кабинете хранилась подшивка партизанской газеты Орловщины – опубликованные там факты становились темой для выступлений Эренбурга в большой печати.

8 апреля 1942 года газета Брянского фронта «На разгром врага» опубликовала обращение Эренбурга: «Друг боец, русские города перед тобой: Мценск и Карачев, Брянск и Трубчевск. Там плачут русские женщины: ждут тебя – освободителя... Друг боец, откуда бы ты ни был, ты защищаешь свой город, своё село, свой дом. Освободи Мценск, чтобы немец не грозил Казани. Освободи Орёл, чтобы люди спокойно спали в Сибири. Весной кипит сердце. Весна – время молодости. За жизнь, за свободу, за Родину – на немцев!». «Когда читаешь Эренбурга, – писал в редакцию «Красной звезды» фронтовой лейтенант Елизаров, – то как бы слышишь стоны замученных и расстрелянных родных нам людей. Жгучая ненависть кипит в сердце, сушит нам слёзы».

А вот очерк Эренбурга «Фрицы этого лета» (1943). В основе публикации – беседы с красноармейцами и с пленными на орловском направлении, чтение трофейной почты. В итоге писатель рассортировал фрицев по категориям. Первая – так называемые «тотальные», сорокалетние и старше, недавно мобилизованные: «Я видел немало таких вояк. Урожай тотальной мобилизации дал Гитлеру весьма посредственных солдат. Здесь и плюгавые, и подслеповатые, и беспальные. Сорокалетние фрицы мало пригодны для “восточного похода”. Это по большей части астматические, геморроидальные, подагрические горожане. Они боялись в немецком парке сесть на траву, чтобы не простудиться. Легко себе представить, что они переживают в Брянских лесах».

Вторая категория – юнцы, наиболее рьяные приверженцы Гитлера, впервые попавшие на фронт. «Я видел этих сопляков. Их вытаскивали

из леса. Они хныкали и визжали... Для фрицят война ещё интересная авантюра. Многие из них, направляясь в Россию, думали, что попадут в Москву или Ленинград. Они прытки, но недостаточно обучены». Третья категория – ветераны: «Немало их зарыто здесь, в орловской земле. Они не поумнели, они не стали ни совестливей, ни человечней. Но они полиняли. Таков фриц этого лета – “не тот!..”» Это слово Эренбург услышал от одного нашего бойца, гвардейца-украинца. Он подсел к писателю на пенёк, свернул самокрутку и, глядя на пленного, с которым шёл разговор, подмигнул: «Фриц не тот...» Но при всём том Эренбург предостерегал читателя: «Не будем ни преуменьшать силу врага, ни преувеличивать её. Дисциплина в германских частях ещё не поколеблена. Сомнения фрицев пока ограничиваются вздохами и шёпотом... С фрицами этого лета разговаривать так же трудно, как и с прежними, – нет в них ни ума, ни совести».

27 июля в «Красной звезде» была напечатана статья Гроссмана «Июль 1943 года»: «Немцы не прошли на Белгородско-Курском направлении. Немцы не прошли на Курско-Орловском направлении. Самое концентрированное из всех летних немецких наступлений провалилось. Немцы не прошли. Среди созревших пшеничных полей, среди огромных, сладостно пахнущих лугов, в серой и темной пыли под грозовым июльским небом, под грохотанье высокого грома, под порывами жаркого, душного ветра движутся по дорогам наши танки, колонны артиллерии, грузовики с мотопехотой, скрипят полковые обозы. Радиаторы машин, башни тяжёлых танков, дула пушек украшены колосьями ржи, букетами гвоздики, полевой ромашки. Красная Армия идёт вперёд!».

«Салют победы» – так называлась публицистическая зарисовка Алексея Толстого. Большой знаток русской истории, он увидел в возрождении салютования прежде всего возвращение к замечательной суворовской традиции и сделал важный для военного времени вывод: «Оказывается, под жарким солнцем августа немецкие пятки сверкают не хуже, чем деревянные подмётки эрзац-валенков на январском снегу. А русский богатырь, отирая пот с лица и распах-

нув ворот на могучей груди навстречу летнему ветру, идёт вперёд на Запад, как шёл зимой по сугробам. Время теперь наше, и не времена года, а русское военное искусство определяет погоду поля боя».

7 августа 1943 года, на страницах газеты «Правда» была опубликована статья Бориса Полевого «О чём вопиют орловские камни»: «Следы фашистского пребывания страшны, и долго ещё не заживут раны, нанесённые Орлу немецкими изуверами. Полк шёл к центру Орла. Сколько сцен, трагических и радостных, патетических и забавных, сцен, которых никогда не забудешь, можно было наблюдать на пути полка, шагавшего по улицам только что освобождённого города. Пожилая женщина, державшая на руках большеголового с восковым личиком ребёнка, улыбалась и плакала, стоя на перекрёстке. Девушки бросали под ноги бойцам цветы. Какая-то седая женщина в бурых лохмотьях, выбежав из калитки, несколько мгновений остолбенело глядела на проходивший полк, потом лицо её озарилось радостью».

Однажды, когда бои на Орловском направлении близились к победному завершению, в штаб Брянского фронта поступило сообщение, что лётчики гвардейского истребительного полка, действовавшего недалеко от Орла, за девять дней сбили 47 самолётов противника. На связанном самолёте в этот полк, планируя написать в «Правду» о подвигах лётчиков-гвардейцев, вылетел Борис Полевой. Здесь, под Орлом, встретился он с будущим героем своей «Повести...», замечательным лётчиком Алексеем Маресьевым.

Писатель записал его рассказ о пережитом и подготовил для газеты полосу об этом. Но она в те дни опубликована не была. Редактор «Правды» Пётр Поспелов решил познакомить с очерком Сталина, и тот прямо на газетной вёрстке написал: пусть материал пока полежит, а Полевой когда-нибудь напишет о Маресьеве книгу. А то Геббельс закричит на весь мир, будто в России истощены резервы и в бой бросают инвалидов...

Со встречами на орловской земле связан рассказ Бориса Полевого «Братя Волковы», впервые опубликованный в 1943 году и впоследствии

вошедший в книгу «Мы – советские люди», в предисловии к которой писатель признавался: «Это не выдуманные герои. Большинство имён и названий в книге – подлинные, каждый действующий человек живёт или жил. Это книжка о советских людях, защищающих свою Родину, о простых, о маленьких, о великих людях, которых ни согнуть, ни сломать нельзя!».

Многие известные советские писатели прошли по фронтовым дорогам Орловщины, запечатали подвиг её освободителей, рассказали читателям об увиденном в грозную годину. Более того, здесь родился не имеющий аналогов «Военно-полевой союз писателей» – так и в шутку, и всерьёз называли приехавшую из Москвы бригаду поэтов и прозаиков, работавших над книгой «В боях за Орёл», изданной в 1944 году.

Специальный корреспондент газеты 3-й армии «Боевое знамя» Семён Трегуб (именитый литературовед, в довоенные годы один из ведущих журналистов «Правды») вспоминал: «Мысль о том, чтобы создать книгу, посвящённую освобождению Орла, возникла у нас в армии вскоре после того, как 5 августа 1943 года Москва салютовала в знак одержанной победы двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. Трём дивизиям присвоили тогда почётное звание «Орловских», две из них входили в состав 3-й армии. Нашу инициативу горячо поддержал тогдашний начальник военно-исторического отдела Генштаба генерал-майор Н.А. Таленский (одновременно он был редактором журнала «Военная мысль», вскоре возглавил редакцию «Красной звезды» – А.К.). Он взял на себя не только общую редакцию этой книги, но и сопроводил её вступительной статьёй».

28 августа 1943 года писательская бригада (Павел Антокольский, Борис Пастернак, Александр Серафимович, Константин Федин, Всеволод Иванов, вдова Николая Островского – Раиса) выехала из Москвы на фронт. Там началось многодневное общение авторов будущей книги с бойцами и командирами. Серафимович, которому исполнилось уже 80 лет, потом напишет в своём очерке: «Я приехал в армию генерал-лейтенанта А.В. Горбатова. Из-за леса глухо и редко били орудия. А в лесу спокойно и мирно потрескивали костры с навешенными

котелками. У костров грелись бойцы. Я подсаживался к ним и беседовал».

Серафимович встречался не только с пехотинцами, но и с артиллеристами, танкистами и лётчиками. Федин и Иванов летали на самолёте У-2, чтобы увидеть панораму боя и позиции с высоты. Всеволод Иванов читал донесения, много дней провёл с солдатами и командирами, в итоге предложил в сборник обширный очерк «Орёл».

«Это не чудо!» – так Серафимович назвал свой очерк, посвящённый Орловской битве: «Во всей мировой печати раздался крик – это же чудо! Явное чудо, что русская, отступавшая вначале армия вдруг повернулась и погнала “непобедимую” немецкую армию. Нет, не чудо! Это вытекает из всего внутреннего строя русского солдата. Если русские солдаты умели замечательно драться за Россию, в которой их чудовищно эксплуатировали заводчики, помещики, плутократы, и этого солдата нужно было не только “убить, но и повалить”, то как же возросла после революции эта неохватимая народная сила».

Серафимович в своём очерке дал меткие выразительные характеристики участникам Орловской битвы, в том числе и командующему армией гвардии генерал-лейтенанту Горбатову.

А ещё писатели много раз выступали на митингах и встречах с солдатами. Пастернак читал стихи раненым в палатке – сортировочном отделении медсанбата. В записной книжке Трегуба сохранились слова, сказанные Пастернаком на встрече с красноармейцами: «Счастье покупается дорогой ценой. Вы, – он указал он рукой на бойцов, – самая высокая цена. И я, человек тыла, низко кланяюсь вам, людям переднего края. Гибель врага неминуема. Давите его гадючьи гнёзда!». Это было созвучно последней строфе стихотворения «Смерть сапёра», написанного Пастернаком в те дни:

*Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Свою жертвой путь прочертишь.*

Один из командиров протянул поэту книгу «Сестра моя, жизнь» и попросил подписать. Пастернак узнал его имя и фамилию и написал: «Чтобы прожить жизнь, надо иметь мужество».

Мужество, суровость, жертва... Да, всё это звучало на встречах писателей с читателями. Но самым главным было ощущение большой радости по поводу грандиозной победы. Не случайно Пастернак в тот самый день первого салюта написал стихотворение «Спешные строки» о том, как он, дежуривший на крыше дома на случай налёта вражеской авиации, узнал об освобождении Орла:

*Я сейчас спущусь к жилищам,
Объявлю отбой,
Проведу рукой по лицам,
Пьяный и слепой.*

*Я скажу: долой суровость!
Белую на стол!
Сногшибательная новость:
Возвращён Орел.*

*Я великолепно помню
День, когда он сдан.
Было жарко, словно в домне,
И с утра – туман.*

*И с утра пошло катиться,
Побежало виширь:
Отдан город, город-птица,
Город-богатырь.*

В своём фронтовом дневнике, увидевшем свет только в 1991 году, Борис Пастернак записал в августе 1943 года: «Вечером совершенно сровненный с землёю город Карачев. Чудовищность многочисленных каменных развалин, сложные горы щебня, создающие преувеличенное представление о городе». В другом месте поэт отмечает ещё впечатление: «Но что сказать о Карачеве, который мы проезжаем к вечеру... Чудовищно представление о целом, когда оно дано в разложении на мельчайшие частицы. Одно дело сказать: пятьсот каменных домов и две с половиной тысячи деревянных. Вы представите себе провинциальный городок, притом

весьма небольшой. Другое дело, когда вам покажут три тысячи огромных бесформенных куч, щёбённых и щепяных. У вас закружится голова, а глаз обессилеет, взмолится о милости и разрыдается от жалости и обиды». Не случайно эпилог романа «Доктор Живаго» повествует об освобождённом Красной Армией Карачеве осенью 1943 года. Именно здесь друзья покойного Юрия Андреевича Живаго находят его дочь...

Так картины грандиозной битвы на земле орловской входили в мировую литературу. А тогда, в 1943-м, первые отклики появлялись на газетных, реже, журнальных страницах, в репортажах и беглых очерках. «Военно-полевой союз писателей» сдержал слово – тексты для будущей книги были готовы в самые сжатые сроки. Первый раздел сборника «В боях за Орёл» подготовили военные специалисты – в популярной форме они рассказали о тактической стороне сражений. А писатели познакомили читателей с людьми, добывшими победу. Всеволод Иванов в автобиографической повести «История моих книг» так отзывался о тех днях: «Книга “В боях за Орёл”, где напечатались все участники нашей поездки, вышла. По тогдашним скромным типографским возможностям издали её красиво. Мы были довольны. Этот коллективный труд напоминал нам времена Горького, а поездка – годы гражданской войны и нашу молодость».

С той поры прошли десятилетия. Были написаны и изданы многие и многие новые книги о войне. Лучшие образцы русской военной поэзии и прозы, созданные писателями-орловцами,

стали достойным продолжением увидевших свет в 1941 – 1945 годы произведений. Таковы поэтические книги Дмитрия Блынского, Анатолия Шилиева, Александра Логвинова, Виктора Дронникова, романы, повести и рассказы Владимира Мильчакова, Евгения Горбова, Пётра Проскураина, Василия Рослякова, Евгения Зиборова, Анатолия Яновского, Игоря Лободина... Они создали художественную летопись военных лет, соединив историческую реальность с реальностью духовного знания, любви и вечной памяти о погибших. Их произведения (а перечень имён можно продолжить) выдержали испытание временем.

Чувство уважения к сделанному предшественниками не означает, что представители нового поколения не имеют права писать о далёкой войне. Напротив, эта тема остаётся живой, тем более что мир неспокоен и полон угроз. Современный читатель имеет право получить честный и самый обоснованный, с прибавкой всех новых знаний, ответ на вопрос: «Что было главным источником Победы?».

Важно, чтобы военная проза XXI века не была поделкой, результатом неких литературных упражнений или горделивых попыток «успеть к празднику». Нет, о многом в «сороковых-роковых» ещё не сказано, и нравственный долг прозаиков и поэтов – так говорить о войне, чтобы в судьбах героев, в сюжетах и картинах была понятна правда и повержена ложь. Такими были и должны оставаться слова, пришедшие из боя.